

УДК 328.32; 339.542.22

ПОЗИЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА ПО ТОРГОВЫМ СОГЛАШЕНИЯМ «ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ»

© 2022 ЭНТИНА Екатерина Геннадьевна*

Доктор политических наук, Профессор

НИУ «Высшая школа экономики», 115184, Россия, Москва, М. Ордынка ул., 29;

Институт Европы РАН, 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3

**E-mail: e.entina@hse.ru*

© 2022 ДАВРАНОВА Сабина Бобыровна**

*Академический магистрант, аналитик Центра средиземноморских исследований НИУ
ВШЭ, НИУ «Высшая школа экономики», 115184, Россия, Москва, М. Ордынка ул., 29*

***E-mail: sbdavronova@edu.hse.ru*

Поступила в редакцию 14.09.2022

После доработки 26.10.2022

Принята к публикации 01.11.2022

Аннотация. Постлиссабонская действительность внешней экономической политики Евросоюза представлена двумя новыми явлениями: «второе поколение» торговых соглашений и расширение полномочий Европейского парламента (ЕП) в торговой политике. Если первое считается проявлением экономического неолиберализма ЕС, то второе препятствует ему. Вовлечение ЕП в торговую политику связано с рядом мифов о его чрезмерно протекционистской и политизированной позиции. Исследование деконструирует мифы через представление систематизированной, эмпирически и теоретически обоснованной картины торгово-политических предпочтений Европарламента. Результаты исследования показали, что позицию этого института ЕС нельзя назвать чрезмерно протекционистской. Несмотря на то что в силу своей особой институциональной роли ЕП внимательно относится к чувствительным секторам экономики, его политическое волеизъявление укрепляет неолиберальный торговый курс ЕС. В вопросе политической обусловленности торговых соглашений, что, на его взгляд, не препятствует, а способствует достижению экономических целей Союза.

Ключевые слова: Европейский парламент, общая торговая политика, торговые соглашения «второго поколения», политическая обусловленность, регулятивная кооперация.

DOI: 10.31857/S0201708322070026

EDN: kvlgls

Лиссабонская ревизия учредительных договоров Евросоюза наделила Европейский парламент (ЕП) официальными полномочиями в сфере общей торговой политики (ОТП) в соответствии со ст. 207 ДФЕС¹. Вовлечение ЕП в область торговли проходило не без сопротивления государств-членов [Rosén, 2017: 1451]. Основные опасения касались высокой чувствительности депутатов к протекционистским настроениям и их склонности к политизации торговых отношений. Цель исследования – выявить вклад Европарламента в ОТП. В статье уделено внимание политическому волеизъявлению ЕП в отношении торговых соглашений «нового поколения».

Специфика торговых соглашений «нового поколения»

По количеству заключенных торговых соглашений Евросоюз является одним из мировых лидеров. По данным Европейского совета, их число достигает 41². Они создают внешние правовые режимы, которые являются неотъемлемой частью европейского права. Торговые соглашения могут различаться, т. к. в Евросоюзе отсутствует единая форма соглашений о свободной торговле (ССТ) [Энтин, Галушко, 2021: 14]. Например, Т.М. Исаченко выделяет семь основных типов торговых соглашений ЕС [Исаченко, 2017: 395–397]. Такая сложная система взаимодействия с торговыми партнерами позволяет учитывать их экономическую специфику. Ядром современной торговой политики Евросоюза выступает относительно небольшая, но очень важная группа соглашений, которая называется «новым» или «вторым поколением».

Программные установки соглашений «нового поколения» заложены торговой стратегией ЕС 2006 г. «Глобальная Европа» [Загашвили, 2020: 26; Richardson, 2012: 5–6]. Приоритетными направлениями ССТ указаны Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Общий рынок стран Южного конуса (МЕРКОСУР) и Республика Корея³. На практике географический охват соглашений шире заявлен-

¹ Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union. EUR-Lex. 26.10.2012. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012E%2FTXT> (дата обращения: 13.05.2022)

² Global Europe. The value of free and fair trade. European Council. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/eu-free-trade/?__cf_chl_rt_tk=urg9.W1xhX01CkAqXdqPE7NqttYGHTggb0JSxO8blMQ-1651572355-0-gaNycGzNB5E (дата обращения: 13.05.2022)

³ Global Europe: Competing in the World. A Contribution to the EU's Growth and Job Strategy. Commission of the European Communities. 04.10.2006. URL: <https://eur->

ного и тем самым отличается от более раннего поколения. В течение длительного периода целевой категорией ОТП были преимущественно соседние страны и бывшие колонии [Стрежнева, 2012: 42].

Принципиальная особенность «нового поколения» – это явные коммерческие интересы, лежащие в основе соглашений [Асар, Тексе 2008: 280]. Ранние ССТ были в основном политически мотивированными. К ним относятся соглашения об ассоциации со странами Центральной и Восточной Европы, Западных Балкан, Средиземноморья и бывшими колониями в Африке, Карибском бассейне и Тихом океане (АКТ). Стратегия 2006 г. включила в торговую политику Евросоюза экономический критерий для выбора партнеров. Тем не менее строгое деление на экономические и политические мотивы не соответствует действительности: в «новом поколении» ССТ они тесно переплетаются друг с другом, особенно на этапе парламентского целеполагания. Специфика «второго поколения» заключается в том, что политическая составляющая соглашений вторична по отношению к коммерческой. Целевыми объектами новых ССТ являются экономически развитые или высокоперспективные развивающиеся рынки за пределами Европы.

С. Вулкок выделяет три вида коммерческих мотивов «нового поколения» ССТ: усиление стратегических связей с быстро растущими рынками в Азии и Латинской Америке, нейтрализация искажений торговли и содействие регулятивной кооперации à la *acquis communautaire* [Woolcock, 2007: 3]. Именно глубина регулятивной кооперации считается важной чертой «второго поколения», которую обозначают термином «глубокая торговая повестка» [Leblond, Viju-Miljusevic 2019: 1840]. Она охватывает не только традиционные для торговли вопросы трансграничного регулирования (тарифы, пошлины и таможенные процедуры), но и вопросы внутренней политики (право интеллектуальной собственности, технические стандарты, госзакупки, регулирование инвестиций, вопросы охраны труда, устойчивое развитие, права потребителей и т. д.). Глубокая повестка не является уникальной чертой «нового поколения». Соглашения об ассоциации с Грузией, Молдовой и Украиной представлены как «глубокие всеобъемлющие», хотя Евросоюз не относит их к «новому поколению» торговых соглашений¹.

Институциональная роль Европарламента в торговых переговорах

Европарламент является одной из самых изучаемых legislatures в мире, поскольку поразителен рост его политического влияния в институциональной архитектуре Евросоюза за относительно короткий исторический срок [см. подробнее Кавешников, 2021b: 171–189; Саломатин, Меликов, 2015]. Несмотря на то что от-

lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2006:0567:FIN:en:PDF (дата обращения: 13.05.2022)

¹ Report from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions on Implementation of Free Trade Agreements 1 January 2017 - 31 December 2017. European Commission. 2018. URL: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2018/october/tradoc_157468.pdf (дата обращения: 13.05.2022)

стаивать свою позицию в существующей институциональной рамке ЕП сложнее, чем другим институтам [см., например, Кавешников, 2021: 21–32], он последовательно продвигает интересы углубления интеграции, заставляя все остальные институты считаться со своей запросной позицией и подстраиваться под нее.

В сфере ОТП Европарламент обладал символическими полномочиями в до-лиссабонский период [Van den Putte et al., 2014: 2], но его голос считался нежелательным. Лиссабонский договор формализовал эти полномочия, тем самым усилив политический вес ЕП. Например, он может «угрожать» другим институтам правом вето, вынуждая их учитывать его позицию. Во время переговоров по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству (ТТИП) Европарламент потребовал от Европейской комиссии открыть для депутатов доступ ко всей информации и обосновать переговорную позицию перед общественностью и бизнесом¹. В результате не удалось уложиться в электоральный цикл в США, и шанс на заключение соглашения был упущен.

В торговых переговорах применяется специальная законодательная процедура согласования, в которой роль Европарламента ограничена. В отличие от Совета Европейского союза, он не участвует в составлении переговорной директивы и не допускается к переговорам. Участие ЕП в принятии решений основывается на праве быть информированным, праве *ex-post* (не)одобрения ССТ и праве выразить свое рекомендательное мнение. Последнее выступает как инструмент «мягкого права» и реализуется преимущественно через резолюции, которые не имеют законодательной силы, но задают вектор повестки в Евросоюзе. В работе эта группа источников «мягкого права» задействована с целью ответить на следующий исследовательский вопрос: каков характер торгово-политических предпочтений Европарламента в отношении торговых соглашений «нового поколения»?

В основном исследования роли Европарламента в торговле рассматривают вопросы межинституциональной динамики и взаимоотношений ЕП с другими акторами [Coremans, Meissner, 2018; Rosén, 2017]. Тема торгово-политических предпочтений изучалась несистемно. Например, К. Мейснер и Л. Маккензи объясняют, почему Европарламент настаивал на включении положений о защите прав человека во Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение (СЕТА) с Канадой, но не в соглашения с Вьетнамом и Сингапуром [Meissner, McKenzie, 2019]. Новизна исследования состоит в построении полной систематизированной, эмпирически и теоретически обоснованной картины торгово-политических пожеланий Европарламента.

Дизайн исследования

Статья основывается на 27 тематических парламентских резолюциях, связанных с «новым поколением» ССТ. Эмпирическую выборку составляют торговые соглашения с МЕРКОСУР, Республикой Кореей, странами Андского Сообщества

¹ Marullo F. EU Parliament and the Impact of Civil Society on Trade Negotiations. Geopolitical Monitor. 2019. URL: <https://www.geopoliticalmonitor.com/eu-parliament-and-the-impact-of-civil-society-on-trade-negotiations/> (дата обращения: 27.10.2022)

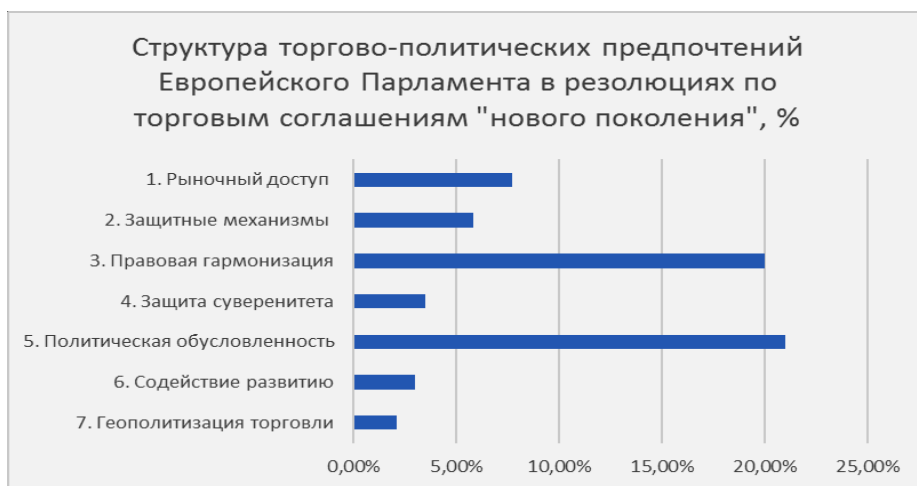
(Перу, Колумбия, Эквадор), Индией, Китаем, Канадой, странами АСЕАН (Сингапур, Вьетнам, Таиланд), США, Японией, Чили, Австралией, Новой Зеландией и странами Центральной Америки. Большая часть резолюций была издана до или в ходе переговоров, поэтому они представляют запросную позицию о сути торговых соглашений. Некоторые являются реакцией на готовый текст, но по ним также можно судить о предпочтениях Европарламента, т. к. они фиксируют выполненные и невыполненные парламентские запросы.

Основу методологии составляет качественно-количественный контент-анализ. В частности, используется суммативный подход, описанный в работе Х.-Ф. Хсиех и С. Шэннон [Hsieh, Shannon, 2005]. На этапе операционализации выделялись синтаксические единицы, которые в зависимости от смысла относились к той или иной категории предпочтений. Затем рассчитывалась их относительная доля в тексте резолюции – соотношение объема (количество символов) каждой категории к общему объему текста. Далее рассчитывалось среднее для всех резолюций значение каждой выделенной категории.

Всего выделяем семь категорий, отражающих задачи торговой политики (см. рис. 1). Такое разделение условно, т. к. они на практике тесно переплетаются друг с другом. Тем не менее оно обладает методологической ценностью, поскольку применимо для анализа торговых предпочтений любых других акторов.

Категории, представленные на рисунке 1, заданы с опорой на обширное количество работ по тематике [см., например, Van den Putte et al. 2014: 2; Young, Peterson, 2014]. Первые четыре категории отражают дилемму торговой политики между либерализацией внешних рынков и защитой собственного. Если первая и вторая категории (рыночный доступ и защитные механизмы) – это традиционные торговые инструменты, то третья и четвертая (правовая гармонизация и защита суверенитета) более нетипичны и противоречивы с точки зрения государственного суверенитета.

Рисунок 1

Источник: рассчитано авторами.

Пятая, шестая и седьмая категории – это внешнеполитические цели, не связанные напрямую с получением прибыли. Они отражают разные паттерны возможной политизации торговых связей. Если в случае пятой категории (политическая обусловленность) Евросоюз выдвигает определенные требования перед правительством страны-партнера, то в рамках шестой (содействие развитию) сам идет на определенные уступки. Седьмая категория (геополитизация торговли), в отличие от предыдущих двух, затрагивает не внутреннюю, а внешнюю политику. Она подразумевает использование торговых инструментов для решения вопросов региональной, международной безопасности и других стратегических вопросов международных отношений.

Поскольку заявленные категории не покрывают всего текста исследуемых документов, итоговая сумма составляет меньше ста процентов.

Результаты анализа полученных категорий представлены на рисунке 1. Учитывая специфику научной проблематики исследования, особое внимание следует уделить обсуждению двух вопросов: дилеммы «либерализм и протекционизм» и политической обусловленности парламентских предпочтений.

Дилемма между либерализацией и протекционизмом

Как видно на рисунке 1, протекционистские категории (защитные механизмы и защита суверенитета) представлены в предпочтениях Европарламента меньше либеральных категорий (рыночный доступ и правовая гармонизация). Вопросы расширения рыночного доступа были особенно актуальны в отношении таких стран, как Австралия и Новая Зеландия (17%), США и Япония (14–15%). Для менее развитых государств Латинской Америки и Азии этот показатель ниже.

Значительное внимание Европарламент уделяет повышению возможностей малого и среднего бизнеса (МСБ) на внешних рынках, например, через устранение тарифных пиков, создание информационного веб-пространства с освещением различных правил и передовых практик. Кроме того, ЕП активно склоняет партнеров к дальнейшей либерализации рынка услуг, государственных закупок и экологических товаров в рамках Всемирной торговой организации (ВТО). Как правило, он пытается преодолеть протекционизм третьих стран в отраслях, в которых Евросоюз обладает конкурентным преимуществом. Например, в соглашении с МЕРКОСУР речь идет об автомобильном рынке, с Японией – о рынке государственных закупок в транспортной сфере¹. В резолюции по ТТИП предпочтительными рынками для либерализации государственных закупок были названы строительные услуги, транспортная и энергетическая инфраструктура, рынки телекоммуникационных, транспортных и финансовых услуг². Одним из требований Европарламента к США явля-

¹ European Parliament resolution of 25 October 2012 on EU trade negotiations with Japan (2012/2711(RSP)). European Parliament. 25.10.2012. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-7-2012-0398_EN.html (дата обращения: 08.06.2022)

² European Parliament resolution of 8 July 2015 containing the European Parliament's recommendations to the European Commission on the negotiations for the Transatlantic Trade and Invest-

ется отмена принятого в 1933 г. президентом Г. Гувером закона «Покупай американское» (*The Buy American Act*), который постановляет отдавать предпочтение американской продукции в государственных закупках.

С точки зрения либерализации рынков актуальны вопросы правовой гармонизации. В каждом ССТ Европарламент выступает за создание прозрачной, стабильной и открытой среды в сфере государственных закупок; защиту иностранных инвесторов от дискриминации; ведение более справедливой конкурентной политики; признание географических наименований Евросоюза, стандартов ЕС в области благополучия животных (в т. ч. запрета тестирования при производстве косметической продукции, бытовой химии и фармацевтики), принятых в ЕС фитосанитарных и ветеринарных норм; гармонизацию бухгалтерских и аудиторских стандартов; расширение сотрудничества между органами стандартизации, сертификации и метрологии. Некоторые из требований обусловлены спецификой страны-партнера. Например, Индии, часто прибегающей к антидемпинговым разбирательствам, предложено выработать совместную с ЕС антидемпинговую регулятивную рамку; усилить борьбу с пиратством программного обеспечения и с бюрократической коррупцией; ускорить отмену контроля над рупией¹. Показательной является резолюция по соглашению с Кореей². От нее Европарламент потребовал имплементации Соглашения о введении глобальных технических правил для колесных транспортных средств, предметов оборудования и частей, которые могут быть установлены и/или использованы на колесных транспортных средствах от 1998 г., Римской конвенции об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций (1961 г.), «Договоров в области Интернета» Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС) (1996 г.) и правовой гармонизации с Директивой № 2006/115/ЕС в сфере права интеллектуальной собственности.

Глубина, объем и уровень детализации предпочтений Европарламента, которые мы отнесли к либеральным аспектам торговой политики, свидетельствует о том, что ЕП оказывает значительную поддержку экспансивному дискурсу ОТП.

Что касается протекционистских категорий, то высоко чувствительными по отношению к внешней конкуренции названы такие сферы, как автомобилестроение, кораблестроение и электроника (особенно в случае торговли с Кореей и Японией), сталелитейная, текстильная отрасли, сельское хозяйство (особенно для молочной продукции, говяжьего мяса, сахара и круп), рыболовство (особенно для таких про-

ment Partnership (TTIP) (2014/2228(INI)). European Parliament. 08.07.2015. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2015-0252_EN.html (дата обращения: 08.06.2022)

¹ European Parliament resolution on the EU's economic and trade relations with India (2006/2034(INI)). European Parliament. 28.09.2006. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2006-0388_EN.html (дата обращения: 08.06.2022)

² European Parliament resolution of 13 December 2007 on the trade and economic relations with Korea (2007/2186(INI)). 13.12.2007. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2007-0629_EN.html (дата обращения: 08.06.2022)

дуктов, как консервированный тунец и тунцовое филе), рынок аудиовизуальных и культурных услуг. Одной из наиболее «протекционистских» стала резолюция Европарламента по Таиланду (30% содержания отнесено к протекционистским категориям). Проблемой в торговых переговорах между Евросоюзом и Таиландом стал вопрос рыболовства. ЕП занял жесткую позицию в отношении открытия европейского рынка для рыбной продукции третьих стран, поскольку это угрожает ключевым интересам таких регионов, как Галисия, страна Басков, Бретань, Сардиния и Азорские острова. Кроме того, евродепутаты регулярно требуют от Комиссии проведения оценки воздействия торговых соглашений на перечисленные сектора экономики и в случае ущерба – активации механизмов защиты.

Другая протекционистская категория – «защита суверенитета». Если в предыдущей категории речь шла о том, чтобы отгородить чувствительные сектора экономики от внешней конкуренции, то в данном случае – о том, чтобы отгородить юрисдикцию внутренней политики. Результаты анализа показывают, что чем более развита страна-партнер, тем громче звучат подобные опасения. Наиболее показательным был кейс ТТИП (более 15%). Список претензий Европарламента в адрес США включал следующее: нарушения конфиденциальности данных при электронной коммерции с США; обвинение Вашингтона в массовой слежке; опасения по поводу правового статуса предполагавшегося Органа регулятивной кооперации; высокая чувствительность государственных закупок стран ЕС в сфере обороны и безопасности; опасения, что гармонизация права интеллектуальной собственности негативно скажется на производстве медицинских биоаналогов (дженериков) и ограничит доступ населения к лекарственным препаратам; негативные социальные последствия либерализации рынка здравоохранительных услуг; риск изменения строгих европейских стандартов в отношении генетически модифицированных организмов, использования гормонов и клонирования животных в скотоводстве; негативные последствия включения в текст соглашения вопросов разведки, эксплуатации и производства энергоресурсов¹. Эти вопросы стали причиной широкой мобилизации активистов и НКО в странах Евросоюза и впоследствии привели к провалу переговоров по ТТИП. Однако наиболее противоречивым моментом стал предполагаемый механизм урегулирования споров между инвесторами и государством. В случае принятия он бы позволил частным компаниям подавать иски против правительства в закрытые трибуналы и требовать компенсации затрат на регулирование, если компания считает издержки на соблюдение экологических, здравоохранительных и других норм безопасности экспроприацией их текущей или будущей выгоды. Европарламент выступил против этого механизма.

В целом Европарламент отличается более протекционистской позицией в институциональной структуре ЕС. Однако, учитывая описанные выше неолиберальные интересы ЕП, он не препятствует реализации торговой политики. Озвучивая

¹ European Parliament resolution of 8 July 2015 containing the European Parliament's recommendations to the European Commission on the negotiations for the Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP) (2014/2228(INI)). European Parliament. 08.07.2015. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2015-0252_EN.html (дата обращения: 08.06.2022)

свои опасения, Европарламент выполняет свою прямую функцию – повышение демократической легитимности Евросоюза. Принимая во внимание, что торговые компетенции практически полностью делегированы Комиссии, менее подверженной демократическому контролю, ЕП сигнализирует о «красных линиях», пересечение которых было бы недопустимым для населения.

Политизация торговли

Результаты анализа показали, что вопросы геополитизации (2,11%) и содействия развитию (3%) в торговых соглашениях «нового поколения» практически не интересуют Европарламент. В отношении этих тем он преимущественно повторял общепринятую в ЕС риторику о стратегической важности той или иной страны. Исключением стали переговоры с Канадой: ЕП призвал Еврокомиссию отказаться от возражений против «Зеленого Акта Онтарио», который подразумевает субсидии местным поставщикам услуг и товаров, работающих на энергосберегающих технологиях. Также в свете ужесточения стандартов ЕС по уровню содержания кадмия в какао и эндокринных разрушителей в пальмовом масле Европарламент призвал Комиссию создать предупредительный механизм для уязвимых районов стран Латинской Америки, специализирующихся на этих продуктах, чтобы они могли легче адаптироваться к новому европейскому законодательству.

Наибольший интерес представляет категория «политическая обусловленность», занимающая примерно 21% содержания всех резолюций. Это – зонтичная категория, которая охватывает широкий спектр вопросов. Наиболее актуальными из них являются охрана окружающей среды, трудовое законодательство и борьба с коррупцией. Приведем краткий перечень международно-правовых документов, которые наиболее часто упоминаются в изученных резолюциях и на которые Европарламент опирается при продвижении «политической обусловленности».

В вопросах окружающей среды можно выделить Рамочную конвенцию ООН по изменению климата (1992 г.), Киотский протокол (1997 г.), Парижское соглашение (2015 г.), Конвенция Рио о биологическом разнообразии (1992 г.), Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (CITES) (1973 г.). Одной из приоритетных целей ЕП в этой связи является гармонизация Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности ВТО (ТРИПС) (1994 г.) с Конвенцией Рио.

В сфере трудовых прав Европарламент требует ратификации конвенций Международной организации труда (МОТ) с учетом специфики ситуации в той или иной стране. Например, Индии было предъявлено требование ратификации конвенций № 138 «О минимальном возрасте приема на работу», № 182 «О наихудших условиях детского труда», № 98 «О применении принципов права на организацию и заключение коллективных договоров»; Вьетнаму – также № 98, № 87 «О свободе ассоциаций» и № 105 «Об упразднении принудительного труда»; Японии – № 105 и № 111 «О дискриминации в области найма труда»; Чили – № 169 «О правах коренных народов», № 156 «О равных возможностях для мужчин и женщин», № 189 «О достойном труде домашних работников».

Для борьбы с коррупцией ориентиром, по мнению Европарламента, служит антикоррупционная конвенция Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (1997 г.), для продвижения гендерного равенства – Декларация ВТО о расширении прав и возможностей женщин (2017 г.). Частному сектору ЕП советует ориентироваться на руководящие принципы ОЭСР и ООН по корпоративному управлению и корпоративной социальной ответственности, по бизнесу и правам человека, а также на Трёхстороннюю декларацию принципов, касающихся многонациональных корпораций и социальной политики МОТ (1977 г.). Для обеспечения имплементации перечисленных документов Европарламент предлагает два механизма: разработку двусторонних дорожных карт и планов действий с последующим мониторингом со стороны Комиссии и включение в соглашения обязательных глав по устойчивому развитию, предполагающих наложение санкций за нарушение этих положений (вплоть до приостановления соглашения). Дорожные карты по правам человека, например, активно использовались в ССТ с Андским Сообществом. Тем не менее эффективность такого способа продвижения «политической обусловленности» ставится под сомнение, например, из-за размытых формулировок целей. При этом второй описанный механизм – санкции – считается чрезмерно жестким и нереалистичным. В результате политическая составляющая торговой политики ЕС в большинстве случаев сводится к мягким инструментам: консультациям, диалогу и дорожным картам.

Заключение

При ведении торговых переговоров, как правило, стороны стремятся скрыть друг от друга свои предпочтения с целью максимизации выгоды, однако некоторые предпочтения Европарламента отличаются высоким уровнем детализации. Его резолюции представляют ценный источник для понимания контекста общей торговой политики Евросоюза, поскольку ЕП озвучивает то, что другие институты стараются смягчить. Именно это объясняет «неудобность» вовлеченности Европарламента в торговую политику для других акторов.

Отвечая на поставленный исследовательский вопрос, отметим, что спектр торгово-политических предпочтений ЕП максимально широк и разнообразен. Доминирующую роль в них играют пожелания правовой гармонизации и политической обусловленности. Миф о чрезмерно протекционистской позиции не оправдан. Несмотря на то что в силу своей институциональной роли Европарламент более чутко стоит на страже интересов внутреннего рынка, чем другие институты, доминирующим дискурсом в политическом волеизъявлении ЕП является экспансивный и глубокий торговый либерализм. При этом политическая обусловленность, которую он также настойчиво продвигает, с точки зрения самого Европарламента, не препятствует неолиберальным интересам Евросоюза. Наоборот, склоняя партнеров к игре по собственным правилам, ЕС создает более предсказуемую и подконтрольную внешнюю среду, а также лишает своих конкурентов преимуществ, способствуя тем самым максимизации экономических выгод Евросоюза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Загашвили В.Г. (2020) Европейский союз: торговые соглашения второго поколения. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. № 7. С. 26–33.
- Исаченко Т.М. (2017) Торговая политика ЕС. *Европейская интеграция*. Под ред. О.В. Буториной, Н.Ю. Кавешникова. Институт Европы РАН, Москва. С. 382–402.
- Кавешников Н.Ю. (2021a) Анализ влияния Европейского парламента и Совета ЕС на примере реформы системы торговли парниковыми газами. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 65. № 6. С. 21–32.
- Кавешников Н.Ю. (2021b) *Европейский Союз: история, институты, деятельность*. МГИМО, Москва. 368 с.
- Саломатин А., Меликов А. (2015) *Европейский парламента: политико-правовое исследование*. РИОР, Москва. С. 91.
- Стрежнева М. (2012) Эволюция торговой политики Европейского союза. *Мировая экономика и международные отношения*. № 8. С. 39–48.
- Энтин М.Л., Галушко Д.М. (2021) Правовое оформление глобальных амбиций Великобритании после брекзита во внешнеторговой сфере. *Британия после брекзита*. Отв. ред. К.А. Годованюк. Институт Европы РАН, Москва. С. 13–33.
- Acar S., Tekçe M. (2008) Multilateralism or Bilateralism: Trade Policy of the EU in the Age of Free Trade Agreements. *Proceedings of the International Conference on Emerging Economic Issues in a Globalizing World*. Ed. by O. Esen, A. Oğus. Izmir University of Economics, Izmir, Turkey. Pp. 272–284.
- Coremans E., Meissner K.L. (2018) Putting power into practice: Administrative and political capacity building in the European Parliament's Committee for International Trade. *Public Administration*. Vol. 96. Issue 3. Pp. 561–577.
- Hsieh H.-F., Shannon S.E. (2005) Three Approaches to Qualitative Content Analysis. *Qualitative Health Research*. Vol. 15. Issue 9. Pp. 1277–1288.
- Leblond P., Viju-Miljusevic C. (2019) EU trade policy in the twenty-first century: change, continuity and challenges. *Journal of European Public Policy*. Vol. 26. Issue 12. Pp. 1836–1846.
- Meissner K.L., McKenzie L. (2019) The paradox of human rights conditionality in EU trade policy: when strategic interests drive policy outcomes. *Journal of European Public Policy*. Vol. 26. Issue 9. Pp. 1273–1291.
- Richardson L. (2012) The Post-Lisbon Role of the European Parliament in the EU's Common Commercial Policy: Implications for Bilateral Trade Negotiations. *EU Diplomacy Paper*. No. 5. Pp. 1–32.
- Rosén G. (2017) The impact of norms on political decision-making: how to account for the European Parliament's empowerment in EU external trade policy. *Journal of European Public Policy*. Vol. 24. Issue 10. Pp. 1450–1470.
- Van den Putte L., De Ville F., Orbie J. (2014) The European Parliament's New Role in Trade Policy: Turning Power into Impact. *CEPS Special Report*. No. 89. Pp. 1–12.
- Woolcock S. (2007) European Union policy towards Free Trade Agreements. *ECIPE Working Paper*. No. 03/2007. Pp. 1–15.
- Young A.R., Peterson J. (2014) *Parochial Global Europe: 21st Century Trade Politics*. Oxford University Press, Oxford, UK. 304 p.

The European Parliament's Stance on «New Generation» Trade Agreements

E.G. Entina*

Doctor of Sciences (Politics), Professor

NRU «Higher School of Economics», 29, M. Ordynka Street, Moscow, Russia, 115184

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009

***E-mail:** e.entina@hse.ru

S.B. Davranova**

Master's student, analyst at Mediterranean Studies Centre

NRU «Higher School of Economics», 29, M. Ordynka Street, Moscow, Russia, 115184

****E-mail:** sbdavronova@edu.hse.ru

Abstract. The new, post-Lisbon reality of the European Union foreign economic policy is reflected in the "new generation" of trade agreements and the strengthened powers of the European Parliament (EP) in commercial policy. While the former is considered a prime example of the EU's economic neoliberalism, the latter interferes with it. The EP's involvement in trade policy has been accompanied by a few myths about its overly protectionist and politicized stance. This study attempts to deconstruct these myths by presenting an overarching, empirically and theoretically grounded overview of the EP's trade policy preferences. The results indicate that at least one of these myths is not justified. The EP stance cannot be called overly protectionist. Due to its special institutional role, the European Parliament compared with other EU institutions, focuses more on sensitive sectors of the economy, it also provides strong support for the "deep" neoliberal trade agenda. As for the politicization of trade, the European Parliament has indeed pressed for linking trade agreements to the Union's foreign policy objectives and for the strict promotion of political conditionality. However, it is not considered as an obstacle, but rather a contribution to increasing global economic interdependence.

Keywords: European Parliament, common commercial policy, 'new generation' trade agreements, political conditionality, regulatory cooperation.

DOI: 10.31857/S0201708322070026

EDN: kvlgls

REFERENCES

Acar S., Tekçe M. (2008) Multilateralism or Bilateralism: Trade Policy of the EU in the Age of Free Trade Agreements. *Proceedings of the International Conference on Emerging Economic Issues in a Globalizing World*. Ed. by O. Esen, A. Oğus. Izmir University of Economics, Izmir, Turkey, pp. 272–284.

Coremans E., Meissner K.L. (2018) Putting power into practice: Administrative and political capacity building in the European Parliament's Committee for International Trade, *Public Administration*, vol. 96, issue 3, pp. 561–577.

Entin M.L., Galushko D.M. (2021) Pravovoe oformlenie global'nyh ambiciĭ Velikobritanii posle brekzita vo vneshnetorgovoĭ sfere. *Britaniya posle brekzita* [Legal Aspects of the UK's Global Ambitions in Foreign Trade after Brexit. *The United Kingdom After Brexit*]. Ed. by K.A. Godovanyuk. Institute of Europe, RAS, Moscow, pp. 13–33. (in Russian).

Hsieh H.-F., Shannon S.E. (2005) Three Approaches to Qualitative Content Analysis, *Qualitative Health Research*, vol. 15, issue 9, pp. 1277–1288.

Isachenko T.M. (2017) Torgovaya politika ES. *Evropejskaya integraciya*. [EU trade policy. *European integration*]. Ed. by O.V. Butorina, N.U. Kaveshnikov. Institute of Europe, RAS, Moscow, pp. 382–402. (in Russian).

Kaveshnikov N.U. (2021) Analiz vliyaniya Evropejskogo parlamenta i Soveta ES na primere reformy sistemy torgovli parnikovymi gazami [Analysis of the influence of the European Parliament and the EU Council on the example of the reform of the greenhouse gas trading system], *World Economics and International Relations*, vol. 65, issue 6, pp. 21–32. (in Russian).

Kaveshnikov N.U. (2021) *Evropejskij Soyuz: istoriya, instituty, deyatelnost'*. [European Union: history, institutions, activities]. MGIMO, Moscow, 368 p. (in Russian).

Leblond P., Viju-Miljusevic C. (2019) EU trade policy in the twenty-first century: change, continuity and challenges, *Journal of European Public Policy*, vol. 26, issue 12, pp. 1836–1846.

Meissner K.L., McKenzie L. (2019) The paradox of human rights conditionality in EU trade policy: when strategic interests drive policy outcomes, *Journal of European Public Policy*, vol. 26, issue 9, pp. 1273–1291.

Richardson L. (2012) The Post-Lisbon Role of the European Parliament in the EU's Common Commercial Policy: Implications for Bilateral Trade Negotiations, *EU Diplomacy Paper*, no. 5, pp. 1–32.

Rosén G. (2017) The impact of norms on political decision-making: how to account for the European Parliament's empowerment in EU external trade policy, *Journal of European Public Policy*, vol. 24, issue 10, pp. 1450–1470.

Salomatin A., Melikov A. (2015) *Evropejskij parlament: politiko-pravovoe issledovanie* [The European Parliament: a political and legal study]. RIOR, Moscow, 91 p. (in Russian).

Strezhneva M. (2012) Evolutsiya torgovoy politiki ES [The evolution of the EU's trade policy], *World Economics and International Relations*, issue 8, pp. 39–48. (in Russian).

Van den Putte L., De Ville F., Orbie J. (2014) The European Parliament's New Role in Trade Policy: Turning Power into Impact, *CEPS Special Report*, no. 89, pp. 1–12.

Woolcock S. (2007) European Union policy towards Free Trade Agreements, *ECIPE Working Paper*, no. 03/2007, pp. 1–15.

Young A.R., Peterson J. (2014) *Parochial Global Europe: 21st Century Trade Politics*. Oxford, Oxford University Press, UK, 304 p.

Zagashwili V.G. (2020) Evropejskij Soyuz: torgoviye soglasheniya vtorogo pokoleniya [European Union: second generation trade agreements], *World Economics and International Relations*, vol. 64, issue 7, pp. 26–33. (in Russian).